

РУССКИЕ И УКРАИНЦЫ; ТРУДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ БРАТЬЕВ

Предисловие

После бесконечно откладывавшегося визита российского президента в Киев в июне 1997 г. отношения России и Украины заметно улучшились. Но никто не может сказать - надолго ли. Уже после ельцинского визита и подписанных в Киеве договоренностей московский мэр в очередной раз заявил, что, чтобы там президенты ни говорили и какие бы договора ни заключали, Севастополь все равно был и будет российским городом. И практически несомненно, что российские политические деятели еще будут предъявлять к Украине всякого рода территориальные и другие претензии, как и украинские - использовать лозунг о российской угрозе. Почему?

Было бы совершенно неверно, как это иногда делают, обвинять одних политиков и противопоставлять их безответственность и агрессивность здравому смыслу и дружелюбию простых людей. Политики, особенно в относительно демократических условиях Украины и России, - лишь конкурирующие друг с другом торговцы, предлагающие на рынок избирателей свои товары. И если бы такие товары никто не покупал, они или разорились бы, или срочно перешли на продажу каких-то других товаров. Тот же Ю. Лужков, если бы он не чувствовал, что продажа «севастопольского товара» выгодна, несомненно, стал бы поставлять своим потенциальным избирателям в будущей президентской кампании нечто совсем иное. Конечно, часто избиратели покупают на политическом рынке товар, от которого, принеся его домой, приходят в ужас. И есть ряд оснований полагать, что националистический товар и в России, и на Украине в большей мере навязывается, чем пользуется спонтанным спросом. (Это естественно, ибо производство националистических лозунгов обходится производителю во много раз дешевле, чем, например, производство реальных планов экономического развития, а продать их, «разогрев покупателя», можно за очень дорогую цену.) Но все равно в конечном счете все определяется покупателем-избирателем, а не продавцами-политиками.

И дело также не в конкретных спорных проблемах, которые по-

литики раздувают и эксплуатируют, стремясь «нажиться» на них. Любая конкретная спорная проблема может быть спокойно решена (или даже не решена, но просто «отставлена») и, наоборот, может превратиться в источник ожесточенного конфликта в зависимости от психологического состояния сторон. Каждый из нас знает, как в семье, где муж и жена раздражены друг на друга, любая чепуха может повлечь за собой скандал и как, когда этого раздражения нет, проблемы решаются легко и просто. И опять-таки каждый знает, как был даже не «разрешен», а просто отставлен, «забыт» такой казавшийся вечным, вытекающим из самой природы вещей, географии и «геополитики», вопрос, как вопрос об Эльзас-Лотарингии, когда изменилось сознание и психологическое состояние немцев и французов. Отношения между нациями и государствами ни на йоту не сложнее отношений в семье, или соседей, или сослуживцев (можно эту же мысль выразить иначе: отношения в семье или соседей не проще отношений государств). Различия здесь - количественные, но не качественные.

Российско-украинские проблемы поэтому - это не конкретные и рациональные проблемы. Тот же самый черноморский флот можно было поделить сотнями разных способов или вообще не делить, была бы добрая воля. Но ее то не было и раздел флота превратили в подобие пошлой свары разводящихся супругов из-за «совместно нажитого телевизора». И не было не у политиков, ведущих переговоры, а у народов, обществ, ибо политики и дипломаты просто боялись, что, какой бы договор они ни заключили, поднимется крик, что они продают национальные интересы и - прощай, карьера. И вот здесь-то, в психологии, в отношениях наших наций, и заключена проблема. Из них проистекают (и, возможно, еще будут проистекать) отдельные частные конфликты, и лишь их улучшение может создать условия, при которых эти конфликты или вообще не будут возникать, или будут решаться просто и легко.

* * *

Отношения индивидов не делятся просто на плохие и хорошие, любые отношения - неповторимы, как неповторимы и сами вступающие в них люди. И то же можно сказать про отношения народов.

Русско-украинские отношения - уникальны, как уникальны русско-немецкие или русско-еврейские, и сказать, что русско-украинские, скажем, лучше, чем русско-немецкие, - это не сказать ничего. Надо попытаться понять, какие они и как-то их описать.

На уровне отношений индивидов отношения русских и украинцев (хотя не всех украинцев, про западных, и особенно галицийских, этого сказать нельзя) - очень «хорошие». Никакого заметного культурного барьера, барьера языкового (подавляющее большинство украинцев

знает русский) или барьера, связанного с каким-то особым и ярким антропологическим типом между украинцами и русскими нет, и в межличностном общении фактор национальности почти не присутствует. В этом русско-украинские отношения очень не похожи на отношения с другими народами. Русские и украинцы могут не любить или, наоборот, очень любить немцев, американцев, евреев или татар. Но в любом случае они осознают, что их друзья или враги - американцы или татары. Но рядом с украинцами русские могут прожить всю жизнь, просто не осознавая, что они - украинцы.

Но в том-то и заключается специфика русско-украинских отношений, что они - хорошие именно на межличностном уровне. При переходе на уровень межнациональный и государственный они «портятся». При этом резкий контраст между межличностными отношениями и отношениями межгосударственными порождает особые раздражение, горечь и недоумение - какие могут быть споры между братьями?

Но, как совершенно правильно отмечают авторы одной из статей сборника, Е. Головаха и Н. Панина, отношения между братьями далеко не всегда самые простые и легкие. Конфликты в семье часто даже ожесточеннее, чем конфликты между очевидно чужими. Сербь и хорваты тоже братья. Сама идея обязательности братской любви, заставляющая людей скрывать от самих себя раздражение и особенно возмущаться малейшими проявлениями недружелюбия, может даже усиливать конфликтность и трудность отношений братьев. Что же разделяет украинских и русских братьев, как только они «вспоминают», что они - отдельные народы? То же, что обычно разделяет братьев, - борьба за родителей, за «право первородства», за наследство, за то, чтобы старший признал младшего равным себе и перестал его «опекать» и, наоборот, за то, чтобы младший не забывал, что он - младший и не позволял себе слишком много.

В статьях Р. Шпорлюка и А. Миллера раскрывается сложный процесс образования современных наций в Восточной Европе. Этот процесс неразрывно связан с развитием нового времени, требовавшим от людей национальной классификации, деления по нациям (пока, например, нет массового образования и печати, можно не задумываться, на каком языке ты говоришь, но когда появляются массовые школы, без учебников «родной речи» не обойтись). Но если само по себе образование наций в Европе XVIII-XX вв. было процессом необходимым, то какие нации возникнут, решалось борьбой различных движений, выдвигавших альтернативные национальные идеи, исход которой, как исход любой борьбы, не был «запрограммирован». Из одного и того же исходного «этнографического материала» могли возникнуть разные национальные конструкции.

Естественно, что образованная элита русских - этнического ядра

Российской империи - скорее приходит к идее русской нации, чем «плебейская» украинская периферия к идее украинской. «Конструируя» свою нацию из родственного, но отнюдь не «гомогенного» этнического «материала», русские, что опять-таки очень естественно, дали ей предельно широкие географические границы (включая украинцев и белорусов, у которых, как и у большинства русских крестьян, ясного национального сознания еще просто не было) и предельно древние хронологические границы (включая Киевскую Русь до Рюрика и дальше). «Украинская идея» (т. е. идея, что есть такая нация - украинцы) возникает значительно позже русской, в борьбе с общерусской, и процесс ее оформления и конструирования был очень труден для украинцев (ибо нация создавалась в основном внутри Российской империи, с 60-х гг. XIX в. активно стремившейся сделать своих украинских подданных частью единой русской нации) и болезненен для русских. Ведь этим не только русские умялись в своих потенциальных размерах и у них отнимался кусок земли (не государственной земли, а «национальной земли», что куда хуже), но и как бы отнималась часть истории, ибо российская история без истории Киевской Руси - это и сейчас с трудом представляемая конструкция. Как будто вдруг выяснилось, что у твоих родителей, оказывается, есть еще один сын, претендующий на добрую часть наследства, которым ты спокойно распорядился.

Понятно, что отношение к этому, неведь откуда взявшемуся брату должно быть, мягко выражаясь, сложным. Первой реакцией на его появление (вернее, даже не на появление, а на «разговоры» о его появлении, на идею, что он - есть) было просто категорическое отрицание. Есть малороссы, этнографическая группа, одна из многих в составе русского народа (есть и донские казаки, и поморы, и сибиряки), и есть простонародные диалекты, на которых они говорят. Но они - такие же русские, даже не братья, а просто - мы сами. Украинского же народа и украинского языка - нет, никогда не было и быть не может. Это - просто изобретение врагов России, поляков и австрийцев. Естественно, что при таком отношении никакой национальной дискриминации индивидуальных украинцев быть не могло - ведь нельзя дискриминировать самих себя. Но зато мог быть запрет на употребление украинского языка («несуществующего» языка) в печати, в концертах, в театрах, т. е. даже не дискриминация, а нечто большее, попытка уничтожить еще не родившегося младенца.

И было бы неверным (здесь я полностью согласен с А. Миллером) видеть здесь проявление «характерного для русских тупого шовинизма и национализма». Во-первых, в тот период, когда официальная Россия стояла на позиции решительного отрицания существования украинской нации, это существование отнюдь и не было очевидным и непреложным фактом. Образование украинской нации - плод идеологиче-

ской и политической работы и обстоятельств, которые теоретически могли сложиться и иначе. Во-вторых, в своей резко негативной реакции на украинские претензии русские были не лучше, но и не хуже, например, французов, жестко пресекавших всякие поползновения к образованию наций на основе французских этнических групп и даже сейчас отрицающих даже автономию для корсиканцев. Просто у русских не было тех культурных ресурсов, какие были у французов (мы не могли, например, создать для украинцев, вернее, потенциальных украинцев, «протоукраинцев», систему массового народного образования на русском языке) и проделать с украинцами то, что французы проделали, скажем, с провансальцами, у нас не получилось.

Это изначальное отношение русских к украинцам (полное отсутствие национальной дискриминации на личном уровне и одновременное неприятие идеи отдельных украинских нации и государства значительно более жесткое, чем идеи нации и государства, любых других народов Российской империи), возникшее одновременно с зарождением украинской идеи и украинской нации, претерпело с тех пор значительную эволюцию. Но до конца оно не умерло и сейчас. И прекрасные межличностные отношения в сочетании со «сложными» межгосударственными - это смягченная форма проявления того же отношения.

* * *

В начале XX в. украинская нация стала активно оформляться и после распада Российской империи в 1917 г. предприняла неудачную попытку создать национальную государственность. Эта попытка не удалась во многом потому, что нация еще не оформилась до такой степени, когда ее существование становится для людей аксиомой, а независимость - реальной потребностью. Но украинское национальное движение все же отнюдь не потерпело полного поражения.

Судьба Российской империи - парадоксальна. Единственная из трех развалившихся одновременно империй - Российской, Австро-Венгерской и Турецкой - она смогла частично восстановить свою целостность именно потому, что ее восстановителями оказались люди, отнюдь к этому не стремившиеся, - большевики, видевшие в ней лишь плацдарм (случайный и другой ценности, чем ценность плацдарма, не представляющий) будущей мировой революции. Искренний интернационализм ранних большевиков разоружил слабые национальные движения, в том числе и украинское, многие руководители которого были убеждены большевиками (которые и сами в это верили), что отныне украинский народ (именно народ, а не индивидуумы) будет равен русскому, свободно развиваться и получит даже свою государственность (правда, обязательно социалистическую). В 20-е гг. так оно и было и в

ставшей советской республикой Украине шло интенсивное национальное строительство.

Но существует то, что можно назвать «логикой имперского пространства». Если на территории, где есть мощное русское ядро и очень разные, относительно небольшие народы, живущие на периферии, создается единое государство или союз государств, то, какова бы ни была их идеология, в них все равно будет доминирование русского ядра над нерусской периферией. Тем более, что есть вековые исторические привычки и что тоталитарный характер большевистского государства предполагал жесткий контроль центра над периферией. Поэтому, несмотря на весь изначальный интернационализм, большевистское государство очень быстро стало приобретать «русско-имперский» характер и осознавать себя преемником Российской империи. Но при этом, естественно, не могло быть и отказа от марксистско-ленинской идеологии. В результате возникла чудовищная компромиссная эклектика, когда Сталин вел свой генезис одновременно от Ивана Грозного и Петра I и от Маркса и Энгельса, а республики, согласно нашему гимну, были «свободными» и в то же время «сплоченными навеки Великою Русью». Какую же форму в этом «ярусообразном» государстве принимали русско-украинские отношения?

Как и все в СССР - эклектическую и причудливую. С одной стороны, внешне сохранилось и даже было догматически закреплено раннее большевистское признание украинцев равноправной нацией и их советская квазигосударственность. Более того, советская система официального закрепления национальности в паспорте и ее определения обязательно по национальности родителей приводила к тому, что, как бы украинец не обрусел, он уже не мог стать русским и не мог до конца забыть, что он - украинец. С другой стороны, сохранилось, хотя и в смягченной и завуалированной форме, старое «царское» отрицание существования украинцев. Теперь оно приняло форму идеологии, согласно которой русский народ - старший брат украинского. Русский народ был старшим братом всех народов СССР, но предполагалось, что с украинским его связывают особые узы любви, соединяющие их как бы до полной нерасчлененности и неотделимости, когда младший принципиально не может жить без старшего (и естественно, не может перестать быть младшим). В смягченной форме (смягченной невозможностью отказа от догм большевистского интернационализма) это была идеология малороссов как составной части единого русского народа.

Была адаптирована и историческая мифология царского времени, с присущим ей распределением функций между историческими персонажами (Богдан Хмельницкий - герой, Мазепа - предатель, к которому затем присоединились новые отрицательные персонажи - петлюровцы, всякие «буржуазные националисты», «бандеровцы», прислужники гер-

майского и американского империализма). Но, как во всем в СССР, к этому российско-имперскому мифу компромиссно-эклетически дополнялись элементы из совсем иной мифологии, например культ Шевченко.

Эти специфические советские русско-украинские отношения, являющиеся естественным продолжением имперских русско-украинских отношений, проявлялись в самых разных сферах и формах. Отношение власти к индивидуальным украинцам было, как и в царской России, просто идеальным. Украинцы могли сделать в СССР любые карьеры, и национальный фактор при этом не играл никакой роли (может быть, даже играл положительную роль). УССР пользовалась рядом и символических, и реальных привилегий, как республика народа, особо близкого к русскому. Украинское ЦК имело свое Политбюро, и был представитель УССР в ООН.

Но одновременно с этим любые проявления национализма, который по отношению к украинцам трактовался значительно шире, чем, например, по отношению к армянам или эстонцам, вплоть до включения в это понятие любования украинским своеобразием, любых воспеваний Украины, подавлялись с особой тщательностью. И это понятно, ибо у других народов, с более четким национальным самосознанием и не таких близких к русскому, национализм не обязательно был антирусским и антисоветским (у армян, например, он был прежде всего антитурецким и антитюркским и поэтому даже в какой-то мере поощрялся). А у украинцев любое подчеркивание национального своеобразия - это подчеркивание отличий от русских, любое любование Украиной - любование ее непохожестью на Россию. Когда эстонец говорил по-эстонски или узбек по-узбекски, это значило, что он, скорее всего, просто плохо знает русский, но, когда украинец говорил по-украински, это казалось подозрительным - может быть, он не хочет говорить по-русски.

Идеологический миф, утверждающий некую иерархию, не может выполнить свои функции, если он миф - только для «верха» этой иерархии. Но быть мифом и для «низа» он может только тогда, когда он не просто миф, когда он базируется на какой-то реальности и может восприниматься как просто утверждение некоторых фактов (которые он «закрепляет»). Когда русский царизм и вообще русское общество отрицали существование украинцев - это был не просто миф (утверждение существования древней украинской нации тоже было мифом, «контрмифом»), ибо украинская нация только зарождалась и, если бы русский миф осилил украинский, она бы не состоялась. Это было утверждение, которое вполне могло восприниматься как просто утверждение очевид-

ных фактов. Неправдой здесь было только то, что подразумевалось, что украинцы уже есть часть русской нации и что украинской нации быть не может. То же самое можно сказать и про советскую идеологию старшего и младшего братьев. Это тоже не просто миф.

Если исходить из модели некоей идеальной нации, говорящей на своем национальном языке, ощущающей свое единство и свое отличие от других, гордящейся своей историей и культурой, модели, под которую подходят как большие нации, вроде французов или русских, так и малые, вроде эстонцев, то следует, очевидно, признать, что украинцы, не «доросшие» до этой модели в эпоху Российской империи, не доросли до нее и в советскую эпоху. Ощущения безусловной ценности своего языка и культуры, как у эстонцев или, скажем, армян, у большинства украинцев (кроме западных) не было, и они легко и без особых угрызений совести переходили на близкий русский. Русская культура - действительно выше украинской (культура «ядра империи» не может не быть выше, чем культура периферии; культура нации, обладавшей своим государством и своей элитой, не может не быть выше культуры крестьянского народа, чья первая историческая элита «полонизировалась», а вторая - «русифицировалась» и обогатила польскую и русскую культуры), и при отсутствии языкового барьера украинцы в громадной мере жили в этой культуре. В Восточной Украине сложилось неопределенное полуукраинское-полурусское, но в основном - советское самосознание, описанное в статьях В. Н. Павленко, и Н. Н. Корж, и А. Ливена, которому идеология старшего и младшего братьев, навеки соединенных любовью и иерархическим подчинением, более или менее соответствовала.

Миф старшего и младшего братьев в какой-то мере базировался на реальности и поэтому мог восприниматься как нечто самоочевидное и тем самым выполнять свою функцию по «закреплению» реальности.

Миф предполагает наличие (или хотя бы возможность) контрмифа. Утверждение, что украинской нации нет и быть не может, возникает одновременно с утверждением, что эта великая древняя нация, наследница Киевской Руси, есть. И миф старшего и младшего братьев (смягченная форма первоначального мифа) предполагал наличие контрмифа, отрицающего и «братство», и иерархию. Националистическая украинская идеология в яркой форме существовала в Западной Украине, особенно Галичине, где до середины 50-х гг. продолжалось жестокое и (вполне можно употребить это слово) героическое сопротивление бандеровцев и до падения советской власти сохранилось униатское подполье. (А. Толпыго пишет, что присоединение Западной Украины, «куска», который советско-российский организм так и не смог переварить, стало одним из факторов, ускоривших его смерть.) Но в потенциальной форме он присутствовал у любого украинца, ибо совсем уж смириться с тем, что твоя нация по сути своей «младшая», низшая, трудно.

И естественно, что особенно трудно это для национальной интеллигенции, для которой национальность в некотором роде профессия (писатель, пишущий на украинском, естественно, воспринимает сужение сферы украинского языка как наступление на него лично).

Разворачивается борьба двух идеологий, двух мифов, двух концепций украинской нации и русско-украинских отношений. В этой борьбе на стороне официальной идеологии старшего и младшего братьев действовали колоссальные силы. И отнюдь не только силы тоталитарного контроля и принуждения. Прежде всего это силы, порождаемые урбанизацией и экономическим развитием, при которых русификация шла «сама собой», даже помимо каких-то сознательных усилий (наоборот, чтобы остановить ее, нужны были сознательные усилия). В этом отношении ресурсы русификации (и ее успехи) были неизмеримо больше, чем в царскую эпоху. Украинскоязычная нация, так и не сложившаяся до конца в начале века и в 20-е гг., распадается ускоренными темпами. Но тем не менее в конечном счете побеждает национальная идеология.

Советские коммунистические догмы сами не позволяли довести процесс до «логического конца». То, что украинская социалистическая нация есть, было догмой. Более того, догмой было и то, что украинская нация должна «развиваться», и, следовательно, наряду с мерами по русификации, предпринимались и полностью противоречащие им меры по поддержанию украинской культуры, иногда чисто «искусственному», например поддержанию изданий газет на украинском в абсолютно русскоязычных регионах. Естественно, сохранялась украинская советская квази-государственность со всей ее атрибутикой. Поэтому те же процессы урбанизации и современного индустриального развития, которые вели к русификации, имели и другую сторону, другие следствия. На четко очерченной территории УССР складывается «законченное» общество со своим рабочим классом, интеллигенцией, бюрократической элитой и всеми «протогосударственными» или «квазигосударственными» институтами - министерствами, академией, университетами, союзами писателей и вообще всем чем угодно, которое есть общество людей, пусть в основном говорящих по-русски и живущих скорее русской и общесоветской культурой, но все-же - украинцев, хотя бы только по паспорту, и следовательно, обладающих каким-то, хоть и минимальным, украинским национальным самосознанием. И интеллигентская, и бюрократическая элита этого общества не могла не испытывать стремления освободиться от опеки Москвы и получить тот «прямой доступ» к внешнему миру, о котором говорит в своей статье Р. Шпорлюк.

При этом УССР входила составной частью в государство, скреплявшееся идеологией, все более превращавшейся в пустой звук и утрачивающей жизненную силу, и поэтому идущее к распаду. И когда этот

распад произошел, независимая Украина «выпархивает» из СССР, как бабочка из кокона. Она предстает перед миром как уже более или менее сформировавшийся внутри СССР (в коконе) организм, неизмеримо более готовый к самостоятельной жизни, чем Украина 1917 г. Но в то же время Украина 1991 г. представляла собой общество, значительно более русифицированное, «русское» по языку и реальному содержанию культуры, чем Украина 1917 г., общество, где и сейчас московское телевидение значительно популярнее своего и в силу этого даже российские политики часто более известны, чем свои, и где в столице Киеве на лотках, продающих детективы и всякое чтиво, вы не найдете ни одной книжки на «государственном» языке.

* * *

СССР распадается. Но как распад Российской империи не означал полного распада имперского пространства, так и распад СССР - тоже еще не окончательный его распад. Слишком тесные связи между его отдельными частями и слишком прочны структуры отношений между его народами. Поэтому разрушившееся в 1991 г. пространство в какой-то мере вновь реинтегрируется в форме, еще более национально аморфной и во много раз более организационно аморфной, чем СССР, но все-таки тоже российско-центричной (иной формы организации этого пространства, как единого целого в данных границах, очевидно, и быть не может) - СНГ. И этой третьей исторической форме существования нашего «пространства» соответствует и новая форма российско-украинских отношений, которые теперь уже не отношения «национализирующихся» этнических общностей ядра и периферии империи и не отношения Центра СССР и его «главной республики» с УССР, но отношения двух независимых государств. Однако и в этой новой форме отношений сохраняются следы старого содержания.

Русское сознание, при всем дружелюбии к украинцам (вернее - не «дружелюбии», а трудности увидеть в них народ, отличный от самих себя), с крайним трудом принимает идею независимой и равной по статусу (не «младшей сестры») Украины. На официальном уровне и на чисто рациональном и идейном уровне массового сознания эта идея более или менее принята, но она еще далеко не принята «нутром». Все, например, обращали внимание, как часто российские средства массовой информации употребляют в отношении Украины вместо русских слов «независимость», «самостоятельность» и т. д. украинские - «самостийность» и «незалежність». Произнести слова «независимая Украина» просто язык не поворачивается.

Я понимаю, что повторяюсь, но хочу еще раз подчеркнуть, что вряд ли здесь можно увидеть проявление какого-то особенно глубинно-

го русского шовинизма и национализма. Русское отношение к украинцам прошло путь от полного отрицания их права на существование как особого народа до (всего лишь) отрицания права независимой Украины на вступление в НАТО. Это - колоссальный путь, проделан он за исторически короткий срок, и если он не довел нас до «окончательного» признания самостоятельности Украины и ее равенства с Россией, ничего удивительного нет. (Испанцы в своем отношении к баскам и каталонцам и французы в своем отношении к корсиканцам находятся только в начале уже пройденного русскими пути.)

Кроме того, такое отношение к Украине опять-таки не только наследие прошлого, оно базируется и на реалиях настоящего. Ведь не только у русских нет стопроцентной уверенности, что независимое украинское государство и украинская нация не недоразумение, но такой уверенности нет и у многих украинцев. А отсюда проистекают двоякие следствия. С одной стороны, многие украинцы достаточно неохотно сейчас учат украинский, живут ностальгией по СССР и отнюдь не видят большой ценности в украинской независимости. Но есть и другая сторона - стремление «национально сознательных» украинцев всячески подчеркнуть, что они есть особый, отличный от русского народ. Громадное число русских, в том числе и автор, сталкивались на Украине с таким явлением. Ты спрашиваешь что-то по-русски, тебе же отвечают по-украински (люди, которые, естественно, не хуже тебя могут говорить по-русски). В этом очень распространенном явлении - вся болезненность украинско-русских отношений. Украинцы, отвечая по-украински, хотят этим показать, что они не русские, и напомнить тебе, что ты - не в России. Но этим только демонстрируют близость русского и украинского языков, свою неуверенность в себе и «комплекс неполноценности». Представим себе на минуту, чтобы англичанин, знающий русский язык и понимая заданный по-русски вопрос, отвечал бы по-английски. «Национально сознательный» украинец, если так можно выразиться, должен все время не забывать, что он украинец, все время подчеркивать, что он не русский. При слабой расчлененности русского и украинского это порождает нелепые и болезненные ситуации на каждом шагу.

Это взаимное раздражение, глубокая конфликтогенность национальных отношений русских и украинцев и являются глубинным источником межгосударственных конфликтов. И на изменение этой глубинной основы наших отношений и должны быть направлены усилия стремящихся к добрым отношениям между нашими странами украинцев и русских.

Как же этого можно добиться? Естественно, не заклинаниями и не клятвами в любви и дружбе, которые лишь загоняют вглубь раздраже-

ние, все равно затем проявляющееся, но иррационально и неподконтрольно. Единственный путь - это исследование и осознание реальности, какой она есть и как бы она иногда ни была неприятна.

Так, на мой взгляд, было бы и неправдой, и вредным изображать русских и украинцев как два равных «по всем измерениям» народа. Русские, несомненно, имеют более развитое национальное сознание, более высокую культуру нового времени, более прочные государственные традиции. Украинцы - не такая же нация, как русские, но несколько меньших размеров, это нация, чей очень сложный путь становления, очевидно, не завершен и могут быть большие сомнения, можно ли в современных условиях добиться и нужно ли стремиться к их превращению в такой же народ, как русские (или, скажем, поляки), в котором все говорят на родном языке, а другие языки знают плохо. Но это может быть предметом русского комплекса превосходства и украинского комплекса неполноценности только при одном условии - если принять идеальную модель «настоящей» нации, оформившуюся в прошлом веке, как норму, нечто обязательное и хорошее. Но ценность этой модели (где-то похожей на модель «настоящего мужчины»), особенно в современном мире, весьма сомнительна. Реально не так уж много наций, в том числе и самых преуспевающих и передовых, соответствует этой модели (не больше, чем мужчин, соответствующих модели «настоящего мужчины»). У американцев вообще нет «своего» языка и очень недолгая история. И ничего, живут. И у австрийцев нет австрийского языка, и они лишь волей исторических обстоятельств, можно даже сказать, нехотя признали, что они - отдельная от немцев нация. Но от этого они ни на йоту немцев не «хуже». И украинцы, которые говорят на русском языке, ни на йоту не хуже говорящих по-русски русских (а восточные украинцы, говорящие на русском, не хуже западных, говорящих на украинском). По «националистическому» измерению русские выше украинцев, и это надо признать так же спокойно, как человек невысокого роста и небольшой физической силы должен спокойно это признать. Можно, конечно, стремиться стать физически сильнее и казаться выше, надевая каблуки, но можно и не заботиться об этом и найти другие, более интересные для тебя и полезные для других занятия. Если ты ниже ростом, это еще не значит, что ты хуже, ты зато можешь быть образованнее, умнее, добрее.

Ряд статей данного сборника (Э. Задорожнюк, А. Толпыго, А. Молчанова) убедительно, на мой взгляд, показывают, что в своем постсоветском политическом развитии украинцы, например, оказались заметно «талантливее» русских, ушли значительно вперед в своем превращении в демократическое, «европейское» государство (как это ни печально для русских). Несмотря на то, что многие внутренние конфликты на Украине и в России общие, порожденные общим советским на-

следуем, Украина смогла не довести свои конфликты президента и парламента до масштабов кровавой бойни в Москве в октябре 1993 г., а свой конфликт с крымским сепаратизмом - до масштабов войны в Чечне. Она легко смогла сделать и то, что неясно, когда сумеет осуществить Россия, - произвести мирную демократическую передачу власти от одного президента другому и принять нормальным консенсусным порядком (после «нормальных» батальи и взаимного выкручивания рук) конституцию, которая, во всяком случае, написана не под одного человека. Попытки объяснить это и связать эти факты с разными глубинными особенностями украинской политической жизни содержаться в статьях сборника.

Здесь же я хочу лишь обратить внимание на то, что эти несомненные успехи и достоинства Украины прямо и непосредственно связаны с ее «недостатками», с тем, что может служить и служит источником украинского комплекса неполноценности и русского комплекса превосходства.

Во-первых, трудности и неудачи России в громадной мере обусловлены как раз тем, что она - очевидно «старшая сестра» (или русский народ - «старший брат»), которой досталось основное наследство родителей (и она боролась за него и горда им). Но, как правильно показывают А. Мотыль и М. Молчанов, ценность этого наследства - «проблематична». Ведь в него входят централизованная бюрократическая система управления СССР, немислимый штат бюрократического аппарата центральных ведомств, громадная армия, предназначавшаяся для «эсхатологической» войны с США, с которой непонятно, что делать, аппарат КГБ, дипломатия, привыкшая бороться с НАТО и-не способная к работе там, где она действительно нужна, и наконец, привычки авторитарного подчинения народа и великодержавной роли государства - все то, что в новых условиях, в которых оказалась Россия, не очень-то пригодно и эффективно, а с точки зрения задач построения правового демократического государства - прямо вредно. Так что, может быть, и не так плохо для Украины, что она - «младшая сестра», и не смогла получить наследство. В русских сказках «умный» старший брат в конце концов именно потому, что он умный, что у него наработанные, устоявшиеся навыки мышления и поведения, в неожиданных, новых условиях, где эти навыки непригодны, всегда проигрывает, а «глупый» младший - выигрывает.

Во-вторых, как показано в статье Э. Задорожнюк и автора данного предисловия, относительная демократичность украинской политической жизни неразрывно связана с балансом сил между «национально сознательными» и «несознательными» регионами, т. е. с тем, что не вся Украина «национально сознательна», что Украина в целом как нация не является нацией, соответствующей выработанной в XIX в. идеальной

модели. И есть очень большие основания думать, что если бы вся Украина стала такой же «национально определенной», как Галичина, то не только стала бы совершенно иным обществом, но и обществом менее демократическим, менее «современным». (Так же, впрочем, как без Галичины Украина, возможно, могла бы стать второй Белоруссией.)

* * *

Осознание реальности, избавление от националистических мифологий - путь к избавлению от болезненных русских и украинских психологических комплексов и от психологического напряжения в русско-украинских отношениях. И задача нашего сборника - сделать шаг в этом направлении, внести свой маленький вклад в выполнение этой задачи.

Но проникновение каких-то новых идей и знаний в массовое сознание - процесс очень медленный, и появление небольшого сборника в этом отношении можно уподобить капле, упавшей на камни. Конечно, «вода камень долбит», но не одна капля, а многие тысячи капель. Задача кажется бесконечно сложной и практически невыполнимой. Если считать, что для коренного улучшения русско-украинских отношений нужно избавление русского и украинского сознаний под влиянием новой интеллектуальной и просветительной работы от идей и образов, создававшихся веками и оказавшихся более могущественными, чем марксизм-ленинизм, то ждать этого улучшения пришлось бы долго. Однако есть основания полагать, что задача не такая уж сложная, поскольку камень долбят разные силы, в том числе и неизмеримо большие, чем наши капли.

Прежде всего, это - успокоение и привычка. Начало 90-х гг. - период «крушения мира», порождающий, как все такие периоды, и преувеличенные надежды, и преувеличенные страхи. Наши общества в это время находились как бы в истерии. В таком состоянии может быть все, в том числе и легкое возникновение конфликта «на пустом месте». Сейчас обе наши страны через этот период уже прошли и начинают привыкать к новым условиям. В том числе и друг к другу. Для множества русских (совершенно не обязательно националистически и великодержавно настроенных) появление независимой Украины в 1991 г. было шоком и воспринималось как историческое недоразумение. Поэтому-то слово «независимая» и заменялось «смешным» украинским словом «самостийная». Поэтому так не любим был в России Л. Кравчук и такие ожидания в свое время породил Л. Кучма. Но проходят годы и ничего не меняется. Украина не распадается, не исчезает и не возвращается в семью «старшего брата». И вне зависимости от каких-либо идейных процессов и интеллектуальных усилий возникает просто при-

вычка к тому, что она - есть. Я думаю, что именно эта привычка и сделала в конце концов возможным визит Б. Ельцина в Киев и заключение российско-украинских договоренностей.

Такая же привычка к тому, что она - есть, возникает и у самой Украины, и я думаю, что будет благотворным образом влиять (и уже влияет) на все аспекты ее жизни. Коммунисты будут мечтать о возрождении СССР, но видя, что шансы на это не велики и что ничего особенно страшного не происходит, все более «вяло». Националисты будут бороться с русским языком и пытаться сделать из украинцев нацию такую же, как поляки или русские, но тоже, видя, что Украина никуда не исчезает и не исчезнет, менее интенсивно.

Привычка - очень важный успокаивающий фактор. Но есть и факторы менее ситуативные и более глубокие. В XIX в. шел процесс интенсивного образования наций. Националистические идеологии были на подъеме. В конце XX в. идут другие процессы - мир становится иным, перед ним открываются новые возможности и новые опасности, он становится все более единым, организованным и одновременно хрупким. Национальные идеологии и «самосознания» (как и вообще жесткие идеологии) отступают. Идеи особой исторической миссии, скажем, России или национального превосходства одного народа над другим не исчезают, но, в эпоху полетов на Марс, все-таки девальвируются, становятся чуть-чуть смешными. Измерить эту девальвацию - трудно, но она все же ощутима.

Где-то на периферии современного мира вызвать настоящий национальный подъем еще можно, но в развитых странах, к которым все-таки с оговорками принадлежат и наши страны, это становится все труднее. И несмотря на доминирование и в России, и на Украине национальной риторики, воздействие ее довольно поверхностно. В этом же направлении действует и фактор маленькой рождаемости (братоубийственные войны становятся «технически» трудными, ибо нет братьев). Поэтому когда доходит до дела, выясняется, что никто умирать или посылать на войну детей не хочет и даже платить не хочет. Это очень ярко показал чеченский конфликт. Вообще то русские, что вполне естественно, относительно податливы на великодержавные лозунги и хотели бы, чтобы Россию боялись и слушались, да и чеченцев они не любят. И вся идеологическая риторика угрозы распада России, опасности исламизма и чего угодно была задействована в полной мере. Но как только выяснилось, что подавить чеченцев (народ, находящийся на совершенно иной стадии развития и более спокойно глядящий в лицо смерти) можно, но большой ценой - и в жизнях и в рублях, народ этой цены платить не пожелал.

И несмотря на все раздражение Украиной и все «великодержавные комплексы», реальная российская политика в отношении «млад-

шей сестры», надо признать, все-таки была очень осторожной. Крым - достаточно серьезная проблема, Севастополь - действительно «город русской славы», и при чуть большей реальной силе национальных чувств и чуть меньшем страхе реальной войны и реальных трудностей, кровавый конфликт из-за Крыма мог бы разгореться очень просто. Но не разгорелся. «Великодержавные комплексы» и идеи есть, но интенсивность их - не так велика и, как говорится, «по большому счету» проблемы «величия державы» не так уж близки рядовым русским.

Но то же самое и у украинцев. Провозглашение и достижение независимости не привели к достаточно сильному националистическому подъему. В самом стремлении к независимости громадную роль играл не национальный идеализм, а сугубо прагматичная, хотя и совершенно ложная идея, что достижение независимости приведет к бурному росту материального благосостояния. Русские не будут умирать, завоеывая (или «освобождая») Крым, но вряд ли многие украинцы стали бы воевать за его удержание. И эта очень глубокая прагматизация, деидеологизация сознания - одна из главных надежд на развитие дружественных отношений между нашими государствами.

В том же направлении действует и международная обстановка. Мир становится все более «тесным», взаимосвязанным, и «баланс сил» между мировым сообществом в целом и отдельными странами все время меняется в пользу мирового сообщества, которое не дает возникнуть или чрезмерно развиться конфликтам. Поэтому как только Россия и Украина приближались (и возможно, еще будут приближаться) к опасной черте, они не только сами в ужасе отшатывались, но и все тут же бросались их от этой черты оттаскивать.

Поэтому есть все основания надеяться, что, хотя какие-то новые кризисы в российско-украинских отношениях вполне возможны, ничего особо страшного не произойдет и через некоторое время под влиянием этих «объективных» факторов и интеллектуальной и просветительской работы сознание и русских, и украинцев окончательно адаптируется к новым реальностям. Проблема, кто «старше» и «главнее» и действительно ли есть такая нация, как украинцы, также перестанет всех волновать, как перестала волновать австрийцев и немцев проблема, могут ли австрийцы считаться особой нацией, а вопрос, кому «по справедливости» и «историческому праву» принадлежит Крым, также утратит свою актуальность, как утратил значение вопрос о том, кому по историческому праву принадлежит Эльзас и является ли Страсбург «городом немецкой славы» или «городом французской славы».

ОБ АВТОРАХ

Бондаренко Виктор

доктор философских наук. Киев

Головаха Евгений

доктор философских наук, главный научный сотрудник Института Социологии АН Украины. Киев

Еленский Виктор

кандидат философских наук, главный редактор журнала «Людына и свит», Киев

Задорожнук Иван

кандидат философских наук, заведующий отделом «Психологического журнала», Москва

Задорожнюк Элла

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН, Москва

Корж Нина

кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник Института психологии РАН. Москва

Ли вен Акатоль

корреспондент газеты «Файненшл тайме». Лондон Миллер

Алексей

кандидат исторических наук, профессор Центрально-Европейского Университета. Москва-Будапешт

Молчанов Михаил

докторант политических наук Университета Альберты, исследователь-докторант Института продвинутых исследований Университета ООН

Мотыль Александр

научный руководитель Института Евразии имени А. Гарримана при Колумбийском Университете, Нью-Йорк

Павленко Валентина

кандидат психологических наук, доцент кафедры прикладной психологии Харьковского Государственного Университета, Харьков

Паника Наталья

доктор социологических наук, заведующий отделом Института социологии АН Украины. Киев

Савоскул Сергей

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, Москва

Секачев Василий

научный сотрудник Института Европы РАН. Москва

Софронова Людмила

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН, Москва

Толпыго Алексей

кандидата физико-математических наук, эксперт Центра политических технологий. Киев

Фурман Дмитрий

доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института Европы, РАН. Москва

Шпорлюк Роман

профессор, директор Института украинских исследований при Гарвардском Университете. Бостон

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Дмитрий Фурман</i> Русские и украинцы: трудные отношения братьев Предисловие	3
<i>Людмила Софронова</i> XVII—XVIII века в истории украинской культуры	19
<i>Роман Шпорлюк</i> Украина: от периферии империи к суверенному государству.....	41
<i>Алексей Миллер</i> Россия и Украина в XIX - начале XX в.: непредопределенная история	71
<i>Элла Задорожнюк, Дмитрий Фурман</i> Украинские регионы и украинская политика	88
<i>Александр Дж. Мотыль</i> Структурные ограничения и отправные точки. Логика системных изменений в Украине и России.....	130
<i>Алексей Толпыго</i> Украинский путь	149
<i>Виктор Бондаренко, Виктор Еленский</i> Религия и церковь на Украине в контексте украинско-российских отношений	181
<i>Василий Секачев</i> Социалистическая партия Украины и особенности украинской партийной системы	205
<i>Анатолий Ливен</i> Русскоязычные регионы Украины: троянский конь?	224
<i>Евгений Головаха, Наталья Панина</i> Российско-украинские отношения в общественном мнении Украины и России	259
<i>Сергей Савоскул</i> Русские в независимой Украине: статус, идентичность, перспективы	278

<i>Валентина Павленко, Нина Корж</i> Кризис социальной идентичности в России и Украине	330
<i>Михаил Молчанов</i> Украина и Россия: особенности внешней политики	345
<i>Иван Задорожнюк</i> Что пишет украинская пресса о России, а российская об Украине (контент-анализ 8 газет за первый квартал 1997 г.)	361
Об авторах	380